

УДК 930.1; 165

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Смоленский Н. И.¹, Багдасарян В. Э.¹, Наумов О. Н.¹,
Журавлев В. В.¹, Шарифжанов И. И.², Реснянский С. И.¹**

¹ Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, Кремлевская ул., д. 18, Республика Татарстан,
Российская Федерация

Аннотация. Круглый стол посвящен анализу проблемы объективности исторического познания. Об актуальности этой проблемы говорит не только главная задача исторического исследования – поиск истины в изучении любых явлений, но и постоянное внимание к ней в развитии исторического познания в целом и выдвижение разных, в том числе взаимозакрывающих вариантов отношения к проблеме объективности. В проблематике круглого стола имеет место сочетание анализа отдельных методологических проблем и историографического анализа проблемы объективности. В содержание круглого стола входит также анализ проблемы истины в православном вероучении.

Ключевые слова: объективность, истина, исторический источник, историографический анализ

THE OBJECTIVITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE (ROUND TABLE)

**N. Smolensky¹, V. Bagdasaryan¹, O. Naumov¹, V. Zhuravlev¹, I. Sharifzhanov²,
S. Resnyansky¹**

¹ Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Kazan Federal University
18, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract. This paper reports the results of a round table devoted to the problem of the objectivity of historical knowledge. The relevance of this issue is evidenced by the main task of historical research — search for the truth in the study of any phenomena, as well as permanent attention to this task in the development of historical knowledge and the expression of different, including mutually exclusive, attitudes to the objectivity issue. The range of problems addressed at the round table included the analysis of individual methodological problems along with the historiographic analysis of the objectivity issue. The round table also covered the issue of truth in the Orthodox doctrine.

Keywords: objectivity, truth, historical source, historiographic analysis

© СС ВУ Смоленский Н. И., Багдасарян В. Э., Наумов О. Н., Журавлев В. В., Шарифжанов И. И., Реснянский С. И., 2019.

Н. И. Смоленский

Вступительное слово

Проблема объективности исторического познания является одной из фундаментальных проблем методологии истории, и не только. Прежде, чем стать теоретической проблемой мышления историка, она стала столь же важной проблемой практики конкретно-исторического исследования с его решением главной цели и задачи – поиска достоверности и истины. Этот поиск заявил о себе и о своей важности уже на заре возникновения исторической науки – в историографии древней Греции. Фукидид был одним из тех историков, едва ли не первым, в трудах которого поиск истины стал не только главной задачей исследования, но и сочетался с вариантом ее достижения – отказом от позиции историка¹.

Развитие исторического познания накопило огромный опыт в решении данной проблемы в практике конкретно-исторического исследования, как и в области теоретической ее постановки, гносеологии. Сюда входит многообразие представлений между двумя их вариантами – признанием истины, объективности и ее отрицанием, самым крайним вариантом которого является постмодернизм, возникший в историографии США и в западноевропейской историографии в новейшее время. Постмодернизм означает отрицание истории как науки, в связи с его тезисом о тождестве, слиянии научно-исторического и художественного постижения действительности, что породило формулу: сколько историков – столько и истин.

Российская историография новейшего времени не свободна от этих

перемен в мышлении и также характеризуется различием взглядов и точек зрения по проблеме объективности познания. Академик И. Д. Ковальченко следующим образом сформулировал свою позицию: «...цель всякого, в том числе, исторического и научного познания состоит в получении истинных (выделено автором. – Н. С.) знаний, т.е. знаний, которые адекватно (выделено автором. – Н. С.) отражают изучаемую реальность» [20, с. 239]. Этому убеждению он оставался верен и в постсоветское время, утверждая, что изучение прошлого «...направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход» [21, с. 3]. По мнению В. А. Тишкова², историк должен «...стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достичь – заблуждение» [2, с. 162]. А. Я. Гуревич считал, что «всякая историческая реконструкция (восстановление прошлого) есть не что иное, как определенная конструкция видения мира, относительно которой историки достигли определенного консенсуса. Сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна» [2, с. 162]. В 2011 г. на истфаке МГУ прошла международная конференция на тему: может ли история быть объективной? На ней были высказаны «...разные, в том числе взаимозакрывающие точки зрения». Одна из них – о возможности приближения к объективной истории, что отстаивал в

² В. А. Тишков и А. Я. Гуревич высказали приводимую ниже точку зрения на «круглом столе» журнала «Вопросы истории» 29 окт. 1991 г.

¹ См.: Фукидид. История (I, 22,3).

своем выступлении В. В. Согрин [29, с. 169]. Аналогичную позицию отстаивал В. П. Смирнов: «Если объективного знания о прошлом не существует, историю нельзя считать наукой. Тогда невозможно отличить научное исследование от писаний графоманов, фантазеров и фальсификаторов» [29, с. 163].

Разновидности другой позиции прямо противоположны изложенному. «Мой ответ на вопрос “Возможна ли объективная история?” прозвучит так: “Конечно, нет”» (В. А. Никонов) [29, с. 33]. Авторской расшифровкой к этому являются в известной мере следующие его дополнения: «Нужно ли стремиться и к объективности в истории? Безусловно, да: “и приближаясь к истине, мы полностью постичь ее не сможем”» [29, с. 36]. Здесь, прежде всего, возникает проблема логики; нужно ли стремиться к тому, чего достичь невозможно? Однако это еще не самый крайний вариант отрицания объективности по сравнению, в частности, со следующим: «То, что в исторической науке называют объективностью, есть не более, чем конвенция – соглашение ряда авторитетных ученых, предлагающих считать, что дело обстоит так, а не иначе. Другими словами, объективность это корпоративный сговор, сознательный или бессознательный» (Т. Д. Соловей) [29, с. 186–187].

Таковы некоторые основополагающие признаки общей ситуации по проблеме объективности в российской историографии. Проблематика круглого стола не является независимой от этой ситуации и включает два аспекта: историографический анализ проблемы объективности и теоретический анализ некоторых аспектов этой проблемы.

В. Э. Багдасарян

Социальные последствия релятивизации истории

«Каждый человек – сам себе историк», с таким докладом, а потом и книгой аналогичного названия выступил еще в 1930-е гг. президент Американской исторической ассоциации Карл Беккер¹ [31]. Несколькими годами позже новый президент Ассоциации Чарльз Бирд называет свой доклад «Написание истории как акт веры» [48]. В период выдвижения лозунга релятивизации истории американское общество находилось в фазе надлома, тяжело выходя из состояния экономической, а главное – моральной депрессии. С этого времени исторический релятивизм получил широкое распространение в общественном дискурсе, атакуя и дискредитируя академическую науку. Сложившиеся художественные жанры альтернативной истории, исторического фэнтези, фолк-хистори и др., стали со временем претендовать на замещение собой «академической истории» [12, с. 166]. Это даже не фальсификация истории, а сознательное отрицание самого феномена научности. То, что ранее считалось сказкой, было легитимизировано в качестве «подлинной истории» [11; 24; 40].

В методологическом плане вопрос об объективности исторического познания оказывается встроен в более широкую постановку проблемы об объективности гуманитарного знания в целом. Позиции релятивистов варьируются по пространству дисципли-

¹ Текст доклада Беккера размещен на сайте Ассоциации американских историков (<https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/carl-l-becker>).

нарной релятивизации – от позиции – «история не наука», до отрицания научности за гуманитаристикой в целом [34]. Сама по себе наука рассматривается в релятивистском дискурсе как культурный феномен определенного времени, как и религия, как и другие формы общественного сознания. Дискуссия с агностиками, в том числе с выразителями позиций исторического агностицизма, идет уже не одно столетие. В настоящее время проблематика объективности знания не относится к числу «модных» тем, хотя методологически вопрос о познаваемости прошлого является ключевым. Но наряду с его гносеологическим измерением, существует еще и измерение социальное.

Методологическая трансформация в связи с переходом от классического подхода к истории к постклассическому имеет ряд характерных проявлений. Фактически полностью из исторического дискурса оказались выведены категории «законы» и «закономерности». Постклассическая история утверждает фундаментальный индетерминизм. Доказательность исторических теорий оказалась фактически заменена их утверждаемостью. Исторические понятия теряют свое значение и подменяются первоначально историческими терминами. Если в понятии ключевым являлось раскрытие сущности того или иного явления истории, то термин оказывался акцентирован на исторической этимологии слова. Но далее и термин утрачивает значение в качестве элементарной единицы научной теории, и на передний план выходят знаки и символы, разгадываемые историком-интерпретатором.

От изучения текста, находящегося в фокусе исторического источниковеде-

ния, осуществился переход к анализу интертекста, как диалогическое взаимодействие разных текстов, а от него – к постижению самосознания автора и читателя. Дедуктивная упорядоченность текста была заменена историческим нарративом, возвращающим историю как науку ко временам античных историков. От постижения исторического процесса и исторических систем история вновь вернулась к временам, когда в фокусе внимания находилась деятельность отдельных персон. Субъективизм в осмыслении хода истории соотносился с субъективизацией и исторического знания как такового [25].

В данном случае будут рассмотрены социальные последствия отказа от представления об объективности знаний, представляемых изучением истории. История, помимо познавательной функции в качестве науки, имеет функции социальные. Они связаны между собой. Через познание прошлого выдвигаются некие положения, которые в качестве подлинного знания берутся за основу общественного и государственного строительства. Исторические знания составляют фундамент формирования гражданской идентичности, легитимизации государственного устройства, позиционирования страны в мире. При релятивизации истории все эти базовые институции неизбежно разрушаются.

Опыт изучения погибших цивилизаций и государств прошлого позволяет зафиксировать в значительной части случаев действие фактора релятивизации истории. Ревизия восприятия прошлого являлась и ревизией производных от нее ценностей и смыслов. Развенчание прежних исторических героев и свершений подрывало цен-

ностный фундамент соответствующей общности, и, если другого фундамента не формировалось (как это, например, случилось при переходе от российской к советской модели государственности), происходил цивилизационный распад. На релятивистской платформе никакое сообщество в длительной перспективе не может существовать, поскольку для его существования нужна определенность в базовых вопросах бытия, разграничения добра и зла, приемлемого и неприемлемого. Такая определенность в значительной мере выстраивалась на обращении к прошлому, историческом опыте социума. Релятивизация этого опыта приводила, соответственно, и к утрате единых для сообщества нормативов [3].

Еще Гегель рассуждал в свое время о роковой роли, которую сыграли для эллинского мира софисты [19]. Если полисная система мироустройства базировалась на строго определенных добродетелях, соотносимых с императивом служения городу-государству (дидактика «Илиады»), то для софизма добро и зло стали относительными категориями, сводясь к субъективизму индивидуального выбора. Служить или не служить своему государству оказывается теперь вопросом субъективного выбора, соотносимого с различием этических парадигм. Софисты исходили из представления, что возможность доказательства и опровержения, в том числе и применительно к истории, есть вопрос гимнастики ума, а не наличия объективных критериев истины. Дион Златоуст, например, доказывал, что в Троянской войне, имевшей сакральное значение для самосознания эллинов, победу одержали не греки, а троянцы [13, с. 29–31].

Все те характерные черты релятивизации знания, которые проявлялись в софизме, находят в настоящее время прямое проявление в философии постмодерна. Базовая характеристика постмодерна как раз и состоит в положении о субъективности знания. Заявляется о рождении особого науковедческого феномена – наук неоклассических и постклассических, для которых истинность научных положений субъективизируется и контекстуализируется. Соответствующей методологической ревизии в парадигме постмодерна подвергается и история. Постклассическая история и является по сути тем, что определяется в качестве феномена мифологизации исторического знания. Причем эта мифологизация ведется целевым образом с претензией на замену классического подхода. Созданная в 2009 г. президентским указом «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» оказалась фактически бессильна против отрицания самой методологии постмодерна, и просуществовав три года, была распущена.

Как в свое время софизм для античного мира, так и постмодерн – для современного катализирует процессы распада. Мировой аксиологический кризис является в определяющей мере производным от отказа от объективности знаний. Субъективность знаний означает, соответственно, и субъективность добродетелей. Отсутствие же общности в понимании добра и зла делает в свою очередь невозможность социальной консолидации. Применительно к историческому сознанию фиксируется на настоящее время его раскол и фрагментаризация

почти по всем странам мира, включая Россию. Интернет катализирует процесс размывания представлений об объективности исторического знания. Мифологические версии истории существуют с научными версиями и в силу большей привлекательности вытесняют их. Происходящий процесс оценивается культурными антропологами не только в качестве кризиса аксиологического, но и кризиса рациональности.

Существует и собственно российский опыт негативных социальных последствий субъективизации взгляда на прошлое. Значимым фактором распада СССР являлась релятивизация истории и, как следствие, открывающиеся возможности ревизии советской истории. Широкая кампания критики советского прошлого в средствах массовой информации была начата в 1987 г., будучи приурочена к столетнему юбилею Октябрьской революции. Происходила борьба с так называемыми «белыми пятнами» истории, которые при отсутствии верифицируемой источниковой базы заполнялись откровенным вымыслом, причем тенденциозно негативным. Первоначально в фокусе ревизии оказались сталинский и брежневский период, далее – вся история СССР, наконец, всего российского прошлого. Результатом такой критики явилось распространение взгляда о нелегитимности Советского Союза, как, по самой своей сущности, преступного государства [16]. Пролонгируемым выводом из делегитимизации СССР через историю являлась его политическая самоликвидация. Такого рода технологии в формате «войн исторической памяти» применяются и в отношении современной России.

Подрыв представлений об объективности исторического знания оказывается, таким образом, связан напрямую с геополитическим противоборством в современном мире.

Одним из распространенных приемов релятивизации исторического знания является искусственное удревление истории, сдвигание ее в глубь веков. За отсутствием в праисторические периоды надежных источников исторический нарратив оказывается чаще всего представлен в данном случае в жанре фэнтези, выдаваемым за подлинную историю, скрываемую будто бы злонамеренно официальной историографией. Чаще всего новая историческая канва создается на основе интерпретаций мифов, вариаций истолкований которых может быть большое количество – в зависимости от склонностей истолкователя. Мифологический язык символов и аллегорий сам по себе предоставляет для этого широкие перспективы.

На этой основе фактически выстроена неоязыческая версия исторического процесса [12]. Конструируются мифы о Ведической русской империи, о прошлом Руси до наступления новой эры. На первый взгляд за счет удревления истории усиливаются ее патриотические пафосы. Однако при этом за счет принципиального расширения рамок исторического нарратива уходят периоды реальной российской истории. Построенные на мифе о русской языческой империи претензии к патриотическому переписыванию учебников¹ оборачиваются на практи-

¹ См., например: Асов А. И. Атланты, арии, славяне: история и вера. М.: Ганд Фаир, 2000; Безверхий В. Н. История религии. М.: Витязь, 1998; Богданов Н., Иванов А. Христианство. М.:

ке в развитие фобий в отношении к достоверной истории России.

Такие же приемы мифологизации часто используются при конструировании этнических, региональных и локальных версий истории. Итогом отказа от объективности исторического знания на этом уровне является конструирование мифов, служащих основанием генерирования сепаратистских концептов, формирования новых идентичностей. Большинство современных сепаратистских и националистических движений опирается идеологически на сочиненные исторические повествования, исходно отрицающие фундамент классической истории. Базовыми составляющими для них выступают два исторических мифа: первый миф – о древней идентичной государственности, и второй миф – о враге, лишившим соответствующую общность государственного суверенитета. Применительно к постсоветскому контексту в качестве такого врага чаще всего позиционируется Россия [4].

Отказ от представления об объективности исторического знания дает зеленый свет фальсификаторам истории. Само понятие «фальсификация» в рамках релятивистского подхода исчезает, поскольку объективного знания в этой парадигме не существует.

Перед ученым сообществом историков стоит задача создания барьеров для распространения под видом исторической науки мифов, сконструированных на nive истории. Для этого надо уметь идентифицировать произведения жанра исторического ми-

фотворчества и отличать их от трудов, представляющих классическую историографию.

Основными идентификационными чертами публикаций направления релятивизированной истории являются следующие. Отрицая достоверность всего комплекса источников, верифицированных исторической наукой, современные мифологизаторы истории апеллируют к сенсационно-разоблачительным документам. Объединяющими чертами этих документов являются: во-первых, легенда детективного обнаружения; во-вторых, отсутствие оригинального образца и сохранение только копий, зачастую не идентичных друг другу. При этом, как правило, игнорируется их критическое изобличение в качестве подлогов классической наукой.

В мифологизирующих исторический процесс работах, как правило, отсутствует историографический обзор, являющийся необходимым компонентом научного исследования. Отсутствие историографии позволяет игнорировать данные науки и научной критики, противоречащие мифологической версии истории.

Характерной особенностью исторических мистификаций является апелляция к некому откровению. Само «откровение» источниковедчески не верифицируется. Его происхождение чаще всего представлено в виде непроверяемого свидетельства. Оно вступает в противоречие с признаваемой наукой системой причинно-следственных связей и существующих институций, что само по себе доказывает его неподлинность.

Научные методы, включая специфические методы исторического по-

Витязь, 1998; Истархов В. А. Удар русских богов. М.: Институт экономики и связи с общественностью, 2000.

знания, в литературе историко-мифологизаторского направления, как правило, не применяются. Преимущественно они представлены в формате исторического рассказа или проповеди, но не системы аргументов.

Выделяются следующие направления исторической мифологизации: конспирология; «золотой век»; сверхразвитая цивилизация прошлого; демонизация исторического врага; сверхгерои прошлого; тайное знание; расовые и этнические мифы; гипертрофированность трагедии или победы и др. Все эти составляющие исторического мифологизма широко представлены сегодня книжными изданиями в России [5].

Методологическая проблема объективности исторического знания оказывается, таким образом, проблемой общественного строительства. Объективность исторического знания задавала и объективность принципов построения государства и общества. Релятивизация истории, напротив, приводила к дезинтеграции соответствующей общности. В этом отношении тезис о том, что, насколько объективным представляется историческое знание, настолько и прочен фундамент общества, не будет являться преувеличением.

О. Н. Наумов

Проблема объективности в геральдическом знании

Фундаментальный вопрос об объективности получаемого исторической наукой знания применительно к геральдике реализуется в определении того, насколько адекватно передают гербы события и процессы прошлого. При его разрешении следует исходить

из признанного за ними еще в начале XX в. статуса полноценных источников, которые раскрывают разнообразные аспекты исторической реальности и несут верифицированное знание [30]. Гербы содержат информацию о политических и социальных процессах, экономических особенностях регионов, культурных, идеологических, интеллектуальных приоритетах эпох, о менталитете и иных сюжетах прошлого. Причем часто фиксация событий через геральдизированные объекты происходит ненамеренно, вне зависимости от желания автора источника, и это увеличивает степень их познавательной объективности.

Гербы транслируют прошлое специфично, через визуальные образы, и методы их анализа, в результате которого достигается строгое и точное знание, тоже имеют особенности. Для отражения исторических фактов происходит отбор эмблем, наиболее адекватных исторической реальности. Возможны три варианта взаимоотношений визуального образа и события.

Во-первых, эмблемы герба точно соответствуют фактам прошлого. В частных гербах фиксировалось происхождение рода, примечательные события в его истории, биографические сведения о выдающихся представителях, расположение имений, генеалогические связи с аристократическими семьями. Семантика территориальных гербов сводится к экономическим или географическим особенностям административно-территориальной единицы, характерной для нее фауне и флоре, значимым событиям в истории, архитектурным или историческим памятникам.

Во-вторых, эмблемы герба не соответствуют событиям прошлого из-за

допущенной составителем неосознанной ошибки. Классическим примером такой ситуации стал герб князей Прозоровских, где вместо герба Астрахани, который должен был указывать на участие представителей рода в обороне города от отрядов Степана Разина, использовался казанский герб, никакого отношения к истории семьи не имевший [15, с. 50–53].

В-третьих, эмблемы адекватно отображают как факты прошлого, так и те, которые никогда не происходили в действительности. Например, в гербе города Юрьева Владимирской губернии изображены две корзины с вишнями, поскольку город ими якобы «изобилует» [10]. На самом деле, из всей Владимирской губернии именно в названном уезде вишня не росла из-за непригодности почвы [23]. Таким образом, даже при кажущейся достоверности анализ герба требует привлечения дополнительных, в том числе письменных источников, без которых невозможно выяснить его объективность.

Сложную познавательную задачу представляет собой определение степени объективности гербов древнего дворянства. В них часто фиксировались семейные легенды о происхождении, где сообщалось о знатном иностранце, приехавшем служить в Россию, с почетом принятом и занявшем высокое положение в социальной иерархии, получившем крупные земельные владения и т. д. Значительная часть таких рассказов фальсифицирована, предельно субъективна и не имеет никакой исторической основы. Показательна в данном отношении родословная легенда Римских-Корсаковых. Еще в XVII в. они сочинили ле-

генду о своем происхождении от героя мифов Геркулеса, на которого в гербе указывала булава, символизовавшая его палицу [35]. Объективность герба, основанного на родовой легенде, двояка: с одной стороны, в нем транслируется генеалогическая культура и менталитет элиты, синхронные формированию символа, и в таком отношении он вполне объективен, но, с другой стороны, оказывается полностью недостоверным, если подразумевать реальные исторические события.

В геральдическом дискурсе следует учитывать, что герб существует в двух взаимосвязанных формах: визуальной (рисунок) и вербальной (описание). Степень их объективности различна. Первая более адекватна по отношению к исторической реальности, поскольку фиксирует герб для трансляции во времени. Описание более динамично, более субъективно и представляет собой авторский, творческий текст, хотя и унифицированный, и созданный в соответствии с общей вербальной парадигмой геральдики. Степень его подробности, точности, использование терминов и оборотов во многом зависят от эрудиции и личной позиции автора. Для разных периодов свойственны собственные формы описания, которые в XVIII в., например, просты и подробны, а в начале XX в. – унифицированы, техничны, четко структурированы, и в них широко используются специальные термины.

В любом случае описание, хотя и опосредованно, через рисунок, должно отражать историческую действительность. Его основная функция заключается в точной фиксации рисунка. Если протограф в описании отражен не адекватно, то последующий рисунок

будет искажен, а иногда даже переосмыслен, отчего степень соответствия реальности в нем уменьшается. Ярким примером такого искажения стал герб сербского рода Милорадовичей, в котором старинный шлем необычной формы был неправильно понят русскими художниками, превратился в поле щита и даже получил истолкование как замок крепостной стены, генерировав в дальнейшем соответствующее объяснение (подвиг предка – взятие ночью вражеской крепости), никакой исторической основы не имеющее [15, с. 39–44].

Кроме визуального образа и/или соответствующего ему описания при изучении герба следует принимать во внимание семантику – смысл, заложенный в него составителем или воспринимаемый в дальнейшем владельцем, а также исследователем. В гербах древних, составленных для себя дворянами самостоятельно, смысл мог долгое время не фиксироваться письменными источниками и бытовать как устная внутриродовая традиция, что создавало субъективные альтернативные варианты трактовок, отдалявших их от исторической реальности.

Заданная общими правилами геральдики иконографическая парадигма отчасти ограничивает субъективизм трактовки герба, объясняя заранее смысл фигур. Так, изображение двуглавого орла или его части в русской родовой символике указывало на факт «императорской милости», выраженный в пожаловании дворянства или герба. Конечно, предопределенность не исключает субъективных интерпретаций, иногда очевидно сомнительных и даже абсурдных. В частности, А. А. Аксенов давал ложную

трактовку гербу города Комсомольска-на-Амуре 1967 г. [1, с. 9–10]. Изображенная в нем фигура комсомольца с раскинутыми руками идентифицируется им в категориях христианской символики как образ креста и уподоблялась Иисусу Христу, хотя ее верифицированный смысл очевиден – указание на название города.

Мифологизированные интерпретации могут бытовать и в массовом сознании, и при анализе семантики гербов их необходимо дифференцировать от строго научного знания, не принимая во внимание степени распространения. Такая ситуация сложилась с московским гербом, основная фигура которого называется Святым Георгием, что не подтверждается ни письменными, ни вещественными источниками. Эта трактовка была предложена в начале XVIII в. и является безусловной ошибочной [9], но к настоящему времени прочно утвердилась в общественном сознании, соответствует политическим трендами эпохи, и заменить ее объективной, исторически правильной точкой зрения вряд ли возможно.

При определении степени объективности геральдических источников необходимо иметь в виду два методических обстоятельства.

Нельзя опираться на единственное изображение или описание герба, обязательна реконструкция его визуальной эволюции, установление протографа. Иконографические модификации являются результатом трех ситуаций: во-первых, когда художник, воспроизводя герб, не понимает исходного рисунка, во-вторых, когда он стремится усовершенствовать изображение художественно, дополняя, уби-

рая или искажая фигуры, и, в-третьих, когда герб меняется сознательно, чтобы скорректировать его смысл. В последнем случае выяснение причин трансформации особенно важно, поскольку этому могут быть причинные обстоятельства, детерминированные историческим событием или процессом. Данная ситуация характерна для государственных гербов, где любое изменение, причем не только в рисунке, но и в описании, обусловленное политическими или идеологическими причинами, закрепляется в правовом акте.

Например, после того, как император Павел I стал великим магистром Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, обозначая этим устремленность своей внешней политики к Западной Европе, в государственном гербе появился мальтийский крест. Исключение из описания государственного герба России в редакции 2000 г. упоминания об «исторических коронах Петра Великого», сделанного в указе 1993 г., показательно в контексте эволюции российской государственности, не нуждавшейся более в апелляции к имперскому опыту¹.

Вторым методическим условием для анализа объективности геральдического знания является необходимость массового привлечения объектов дискурса, то есть совокупности гербов, отобранных по каким-либо критериям и называемой геральдическим про-

странством. Иногда необходимо его моделирование. Используя историко-сравнительный или статистический методы, в каждом гербе экстрагируются уникальные и общие иконографические и семантические характеристики. Они позволяют реконструировать эволюцию геральдического пространства, а через это выяснить механизмы его развития и функционирования, получить объективное знание о процессах и событиях [30, с. 203–204].

Гербы как исторический источник уникальны не только спецификой своего существования, но и тем, что непосредственно связаны с менталитетом, идеями, представлениями, культурными особенностями эпохи, которые отражаются в концентрированном виде и дают информацию, трудно или не получаемую из других материалов. Блестящий пример такого дискурса на основе геральдики содержится в труде выдающегося медиевиста Д. Н. Егорова о колонизации Мекленбурга в XIII в. Тема была плохо обеспечена источниками, и ученому пришлось привлекать все возможные сведения, в том числе гербы местного дворянства. Их массовый анализ, выявление протографов позволили определить характер колонизации славянских племен, составить объективное представление об этом процессе [18, с. 374–446].

Для изучения проблемы объективности принципиально важно, что гербы обладают устойчивой экзистенцией. Она обусловлена не только их изначальной устремленностью на трансляцию во времени, но и тем, что если единственный экземпляр письменного источника может быть безвозвратно уничтожен, то конкретный герб, одновременно существующий на многих

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О государственном гербе Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 49. Ст. 4761;

Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52. Ч. 1. Ст. 5021.

вещественных носителях, сохраняется даже в случае гибели нескольких из них.

Герб как источник представляет собой сложный синтез субъективного и объективного, причем первое касается в большей степени интерпретации, а второе – визуального образа. Объективность информации в каждом конкретном случае не связана прямо ни с группой, к которой он принадлежит, ни со временем создания. Герб объективен в той же мере, в какой и любой исторический источник, но получению адекватной информации препятствует то, что геральдика как элемент культуры зависима от политической, идеологической и социальной конъюнктуры. Власть, видя в гербах резерв влияния на социум, стремится ввести выгодные ей символы и их трактовки в массовое сознание. Субъективность геральдического пространства изначально и обусловлена тем, что отбор эмблем для отражения объективной исторической реальности представляет собой творческое действие, и данное обстоятельство сближает гербы с источниками личного происхождения.

В. В. Журавлев

Объективная реальность и объективность ее исторической реконструкции

Имеются все основания начинать разговор на заданную тему с уяснения внутреннего содержания исходного для нашего дискурса понятия. Это тем более важно, что исторические понятия, согласно точной оценке современного специалиста, – «одна из фундаментальных основ исторического мышления и исследования. Обладая этим свойством в исчерпывающей степени в качестве предельного варианта логического,

общеисторическая теория характеризуется также наличием социальных, а не только познавательных функций. Она выступает как основа исторического образования на всех его уровнях также в качестве одной из предпосылок формирования массового исторического сознания» [39, с. 182]. К этому следует присовокупить предостережение классика французской историографии. «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, – подчеркивал Марк Блок, – когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены – если они долго просуществовали – от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистического истолкования» [7, с. 91].

В нашем случае речь, конечно же, идет о понятии «объективность» (от латинского *objectivus* – «предметный»). В русском языке оно утвердилось лишь в XX в. с его основным философским смыслом, обозначающим подход к событиям общественной жизни, ограничивающийся констатацией конкретных фактов, без оценки с каких-либо позиций¹.

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль термин этот еще не употребляет. Но широко комментирует его отечественные аналоги. Один из них – «беспристрастие», которое трактуется Далем как «справедливость, правдивость, правосудие, правда»². Дополнением к данно-

¹ См.: Большой словарь иностранных слов. М.: Дом Славянской книги, 2012. С. 554.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 72.

му понятию служат такие определения как «нелицеприятие» («беспристрастие, правдивость, праведность») «неумытность» (от древнерусского «мыгъ» – пошлина). Последний, идущий из глубин российской истории термин служил аналогом таких понятий, как «неподкупность», «честность», «правдивость»¹.

Явно проявляющий себя в данных трактовках ответ национальной ментальности с ее вековыми исканиями правды и справедливости так или иначе отразился и в отечественной историографии при оценке проблемы объективности, включающей в себя не только профессионализм и рационализм ученого, его аналитическую точность и беспристрастность, но и сферу морали и этики.

Определяя мораль как «самую важную форму общественной воли», а совесть – в качестве «стержня» мыслящего существа, современный отечественный философ и историк Ю. И. Семенов весьма категоричен: «Она (совесть – В. Ж.) не только не в меньшей, но, напротив, в еще большей степени родовой признак человека, чем наличие у него разума, мышления» [37, с. 518–519]. Естественно, что к разуму и мышлению ученого-историка, призванного реконструировать и анализировать в исторической ретроспективе безбрежный мир человеческих отношений, это относится далеко не в последнюю очередь. В том числе при выявлении непременных свойств, составляющих понятие объективности.

Своим путем к освоению искомого понятия шла западная историография, что можно наглядно выявить на основе сопоставления трактовок двух клас-

сиков историографии прошлого столетия, фактически современников. Речь идет о Робине Джордже Коллингвуде (1889–1943), представителе течения «критической философии истории» в английской историографии и его программном труде «Идея истории», вышедшем в свет уже после смерти автора (1946). А также об одном из основателей Школы «Анналов» Марке Блоке (1886–1944) – мыслителе и патриоте своей страны, погибшем в гестаповских застенках оккупированной нацистами Франции. Незавершенный итоговый труд его «Апология истории, или ремесло историка» увидел свет в 1949 г. благодаря усилиям его соратника и друга Люсьена Февра.

К вопросу об объективности исторического исследования они подходят через призму осмысления проблем природы истории, ее предмета, метода и значения. Отталкиваясь при этом от суждений своего предшественника – немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886), который усматривал задачу историка в том, чтобы реконструировать события прошлого так, как они «происходили на самом деле», видя именно в этом суть объективного подхода.

Такая позиция, помимо расплывчатости исходной формулировки, ориентировала историка на пассивное, компилятивное следование «букве» истории, а не ее смыслу, что было категорически неприемлемо для Коллингвуда. Опираясь на принцип активности исследования, выдвинутый в свое время его соотечественником Фрэнсисом Бэконом (1561–1626), он в своей «Автобиографии» позволяет себе достаточно резкое (если не сказать – пренебрежительное) отношение

¹ Там же. С. 522, 541.

к такого рода взглядам: «Разве мы все еще зачарованы призраком Ранке, что-то бормотающим относительно того, «как было на самом деле», разве он так запугал нас...»? Выдвигая идею «открытой» историографическим веяниям истории, Коллингвуд решительно парирует критику своих оппонентов: «И если кто-нибудь возразит мне, что в том, что было названо мною «открытой» историей, за деревьями нельзя увидеть леса, то я отвечу ему «Ну и что!». На дерево можно смотреть, но на лес не смотрят, в нем живут» [22, с. 363, 366].

На сходных во многом позициях стоит и Марк Блок, решительно выступая против «окаменелого» позитивизма Ранке. Фиксируя, что знаменитая формула последнего является лишь повторением задолго до него сформулированной Геродотом максимы «рассказывать то, что было», Блок констатирует: «Другими словами, ученому, историку предлагается склониться перед фактами. Эта максима, как и многие другие, быть может, стала знаменитой лишь благодаря своей двусмысленности. В ней можно скромно вычитать всего-навсего совет быть честным – таков, несомненно, смысл, вложенный в нее Ранке. Но также – совет быть пассивным». Добавляя при этом, что ни в одной науке пассивное наблюдение не приводило к плодотворному результату, если даже допустить, «что оно вообще возможно» [7, с. 76].

Коллингвуд и Блок едины в понимании того, что только активная позиция при обращении к прошлому способна элементарное познание этого прошлого перевести в ранг исторической науки, которая неизбежно должна дать

четкий ответ на вопрос, для чего она нужна?

«Ответ мой, – формулирует Коллингвуд, – таков: история – «для» человеческого самопознания». И поясняет: «Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет» [22, с. 13, 14]. Далее Коллингвуд в трактовке не только духовной, мировоззренческой, философской, но и социальной, гуманитарной составляющей в истолковании функций исторического знания идет Марк Блок, который видит назначение истории в том, «чтобы работать на пользу человека», ибо «любая наука всегда будет казаться нам неполноценной, если рано или поздно не поможет нам жить лучше» [7, с. 10].

Таким образом, проблема предназначения истории «упирается» в человека – ее субъекта и, одновременно, объекта и предмета изучения. Человека, который, согласно оценке Блока, является «великой переменной величиной». И это обстоятельство, как и в математике, когда она имеет дело с переменными величинами, порождает целую цепь препятствий, которые ожидают историка на пути к объективному, аутентичному познанию прошлого, «обрекая» его на сложное, поэтапное движение к истине. И одновременно побуждая исследователя к распространению принципа историзма и на сферу человеческого сознания.

Из немалого числа такого рода препятствий остановимся только на некоторых из них.

Первое, с чем сталкивается историк, начиная свой путь к познанию истины, заключается в принятии исходной установки относительно того,

следует ли рассматривать намерения, действия, поступки деятелей прошлого исключительно в рациональном ключе. Теория и практика исторического познания подсказывает нам, что, полагаясь на полную рациональность, логическую выверенность исторических действий и процессов, мы вольно или невольно получим искаженную картину прошлого. На это обращают внимание многие историки, в том числе и Марк Блок, критикуя концепцию «ясного сознания» и «осознанных мотивов». А именно – ложного убеждения в том, что «человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны» [7, с. 194].

С другой же стороны, если полностью отказаться от фактора рационального видения прошлого, то мы найдем в нем лишь хаос, турбулентность (типа известной точки зрения о Февральской революции как «бунте пьяных солдат»). Профессионализм, мастерство историка в данном случае заключается в том, чтобы на пути воссоздания прошлого найти узкий проход между Сциллой рациональности и Харибдой турбулентности в познании процессов и явлений прошлого. Иными словами, «нащупать» по возможности приближающуюся к объективной реальности меру в соотношении сознательности и стихийности в динамике их реализации.

Сложностью, а подчас и ненадежностью оборачивается для историка процедура установления причинно-следственных связей между давно ушедшими в прошлое событиями ввиду невозможности познания всех причин и всех следствий, проистекавших из их взаимодействия.

Что же касается нюансов психологии и эмоциональной сферы в целом людей даже и не так давно ушедших эпох, то письменные источники часто способны дать нам на этот счет лишь частичную информацию, а в ряде случаев даже дезориентировать исследователя.

Проблема эта вызвала к жизни целое направление в современной западной историографии, получившее название «лингвистический поворот». Ряд французских историков под влиянием взглядов своих соотечественников философов-деконструктивистов (Ролан Барт, Жиль Делёз, Мишель Фуко) заинтересовался «текстуальными, нарративными и синтаксическими процедурами, с помощью которых историческая наука выражает свой режим истины». Поиски эти привели самых последовательных, радикальных сторонников этих новаций (таких, как американский историк Хейден Уайт¹) к выводу, что «история есть лишь один из литературных жанров, который обладает режимом истины не выше, чем у романа, и который обязательно должен быть подвергнут текстуальной критике, обновленной под воздействием структурной лингвистики и психоанализа» [38, с. 93]. Показательно, что подобного рода умозаключения рождаются в головах людей, которые никогда не «нюхали пороха» конкретных исторических исследований, то есть того, что Люсьен Февр назвал «боями за историю» [43].

Своеобразную «ловушку» для историка может представить «доверчивое» отношение историка к терминологии источников прошлых эпох. «Документы, – предостерегает Марк Блок,

¹ White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore, 1973

– стремятся навязать нам свою терминологию; если историк к ним прислушивается, он пишет всякий раз под диктовку другой эпохи» [7, с. 86].

Это предостережение правомерно относить к языку источников прошлых эпох в целом. А от пренебрежения этими обстоятельствами уже недалеко до противоположного рода крайности. А именно, до того, что можно квалифицировать как «смертный грех» исследователя прошлого. Именно так соратник Блока Люсьен Февр оценивал по сей день бытующий в историографии (и далеко не в последнюю очередь, в отечественной) «анахронизм». Суть его в морализировании по поводу событий и людей прошлого, приписывании им современных представлений и ценностей. В таком случае историк начинает говорить в большей степени о себе, чем об изучаемой им эпохе.

Позиция Л. Февра на этот счет предельно ясна. И с ней нельзя не солидаризироваться: «Чтобы не уступить соблазну анахронизма со свойственным ему убеждением в неизменности человеческих чувств и не приписывать, таким образом, прошлому того, что принадлежит настоящему, историк должен осознавать культурную дистанцию, отделяющую его от людей прошедших эпох. Следовательно, ему необходимо, прежде всего, отстраниться от привычных условий существования и, погрузившись в изучаемую эпоху, постараться понять верования, представления о мире, научные знания и способности чувствовать, свойственные людям прошлого» [38, с. 15].

«Капитуляция» перед трудностями в деле познания прошлого, а также поспешное стремление объявить о крахе «великого метанарратива» в лице марк-

сизма как теории и идеологии прогресса и освобождения масс вызвали к жизни разношерстную совокупность радикальных идей, объединяемых понятием «постмодернизм». Получив распространение во французской и американской историографии, течение это возвещает о конце упований на всемогущество разума и науки, отказываясь при этом придавать истории какой-либо смысл. «Человечество, – пророчествует американская исследовательница Агнесса Хеллер, – вступило сейчас в постмодернистский период, когда оно не нуждается в костылях философии истории» [37, с. 228]. Сходные позиции занимает и ряд отечественных историков. Категорически отрицает возможности «восстановления», «воскрешения» прошлого А. Я. Гуревич, непоследовательно допуская при этом реальность его «реконструкции» [17, с. 31–32].

Жонглирование понятиями с расплывчатым видением их содержания, характерное для новаций подобного рода, лишней раз убеждает в важности и необходимости всестороннего изучения понятийного аппарата исторической науки, в русле которого понятие объективности можно считать одним из ключевых.

На пути к познанию истины в форме объективного воссоздания прошлого историка ждут, однако, не только трудности, но и возможности, рычаги их преодоления.

Исходя из того, что «наш ум по природе своей гораздо меньше стремится узнать, чем понять», Блок резюмирует: «При нашей неизбежной подчиненности прошлому, мы пользуемся по крайней мере одной льготой: хотя мы обречены знакомиться с ним лишь по

его следам, нам все же удается узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть. Если браться за дело с умом, это *великая победа понимания над данностью* (выделено мной. – В. Ж.)» [7, с. 37].

Именно на этом этапе проблема объективности в приложении ее к труду историка встает в полный рост, ставя перед ним новые проблемы, одновременно происходит как бы «расщепление» ее на две составляющих: объективности воссоздания (реконструкции) прошлой реальности и объективности ее осмысления, понимания.

Две эти ипостаси оказываются тесно связанными между собой. Только следование требованиям объективности в процессе реконструкции прошлого дает возможность для объективности в его понимании и осмыслении. Именно *возможность*, но далеко не гарантию. Так как на этапе осмысления вступает в действие целый комплекс новых факторов. Профессионализм, опыт, кругозор, знания историка, его критический и, одновременно, конструктивный настрой можно считать решающими факторами как на первом, так и на втором этапе. Но в процессе осмысления прошлого к ним присоединяются и другие составляющие мировоззренческого и морального плана, в том числе «мировоззренческая стойкость», наличие возможности и стремления противостоять отжившим историографическим канонам и клише, идеологическим и политическим устоям и трендам своего времени и т.д.

Только строгое следование всем этим предпосылкам открывает новые горизонты для историка, Нацеливая его, в том числе на то, чтобы «понять настоящее с помощью прошлого» в

той же мере, в какой «понять прошлое с помощью настоящего» [7, с. 25–29]. В чем правомерно усматривать одну из самых важных социальных, мировоззренческих и культурологических функций нашей науки.

Истина в исторической (как, впрочем, и в любой другой) науке выступает в том же виде, в каком *сверхзадача* в драматургии в соответствии с истолкованием этого понятия в системе Станиславского. С той лишь разницей, что установка на ее реализацию для актера означает стремление целиком и полностью слиться с воссоздаваемым им образом, а для историка – в возможно большей степени погрузиться в изучаемую эпоху, став в каком-то отношении ее «современником». Знающим и понимающим ее «инаковость», способным к сопереживанию в процессе «вживания» в прошлое.

Если даже истина в своем абсолютном выражении недостижима, то уже само стремление к ней мобилизует исследователя, четко ориентируя его усилия в определенном направлении. Исходной же вехой на этом пути можно считать достижение в максимально возможной степени достоверности видения прошлого на базе постановки и решения проблем объективности его знания и понимания.

И. И. Шарифжанов

Проблема объективной истинности исторического познания: историографический аспект (к дискуссии о возможностях истории быть объективной наукой)

Проблема объективности исторической науки уже давно привлекает к себе внимание исследователей: как историков-профессионалов, так

и философов, специализирующихся в различных областях гносеологии и философии истории. В XIX в. она решалась достаточно просто, исходя из наивно-реалистических позиций авторов, их имманентной веры в широкие возможности реконструкции прошлого. Эта вера нашла свое наиболее яркое выражение в призыве знаменитого немецкого ученого Л. Ранке писать историю «*wie es eigentlich gewesen ist*». Ведущие философы этого периода позитивистского толка и прежде всего О. Конт и Г. Спенсер не только признавали важность истории как науки, но и в полном соответствии с методологическими принципами естествознания предписывали ей задачу раскрытия в развитии человеческого общества «порядка», «симметрии» и «закона». Обязанность историка, писал, например, знаменитый английский позитивист Г. Бокль, состоит в том, чтобы показывать, что «движения наций являются совершенно правильными и что подобно всем другим движениям они исключительно определяются своими antecedентами. Если он не может сделать этого, он – не историк» [50, р. 186].

В XX в. ситуация на Западе коренным образом меняется, чему прежде всего способствовали трагические события двух мировых войн. Уже первые десятилетия нового столетия в философской и исторической литературе широко распространяются различные субъективистские и нигилистические концепции и представления, призванные развенчать викторианскую веру в историю как строгую и объективную науку. В книге «Искусство истории» профессор новой истории Шеффилдского университета (Великобритания) Д. Блэк решительно выступал про-

ти попыток трактовать историю как определенную форму научного знания. Несмотря на все претензии, по его словам, история изобилует имплицитными предположениями и никогда не свободна полностью от искажений личного характера. Автор особо подчеркивал, что немногие ныне согласятся с Ранке или Актоном в том, что возможно дать полностью объективное описание какого-либо исторического события, каким бы отдаленным от современности оно ни было [49, р. 8]. Ещё дальше по пути методологической дивергенции истории и науки пошли в своих работах видные британские историки того времени Г. Дэвис и Дж. Фортескью¹. Последовательно защищая субъективистский взгляд, они трактовали влияние современности на историю исключительно с точки зрения сиюминутных интересов и отрицания объективной исторической истины.

После Второй мировой войны отрицание истории как науки стало повсеместным на Западе. «Для большинства из нас, – писал видный британский историк Дж. Барраклаф, – именно Вторая мировая война открыла глаза на ограниченности, а в некоторых случаях и на фальсификацию истории, которую мы изучали и преподавали» [46, р. 89]. Именно 40–50-е гг. XX в. стали пиком распространения субъективизма и релятивизма в историко-методологических воззрениях западных историков [44]. Работа профессора Лондонского университета Г. Ренира «История:

¹ Davis H. The Study of History: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 4 November 1925. Oxford: Clarendon Press, 1925; Fortescue J. The Writing of History. L.: Williams and Nordgate, 1926.

её цель и метод», опубликованная в 1950 г., является весьма показательной в этом отношении [54]. Две опасности, по словам автора, угрожали истории как особой дисциплине: одна исходила со стороны академического объективизма, другая – со стороны марксизма. Стремясь преодолеть «крайности» того и другого, Г. Ренир решительно заявлял, что история никогда не была и не может стать наукой, научной дисциплиной. Она всегда только продукт субъективизма и прагматизма, личных пристрастий историка.

Лишь в 60-е гг. началось движение за возрождение научного статуса истории, её подлинно объективной сущности. И во главе этого движения на Западе стал знаменитый британский историк Э. Х. Карр (1892–1982). Его работа «Что такое история» получила широкую популярность и признание за рубежом, но, к сожалению, не была переведена и опубликована в России, несмотря на все предложения сделать это [12, с. 166]. В своей книге Карр стремился к коренному переосмыслению господствовавших в послевоенной западной историографии тенденций в понимании природы исторического познания, задач и целей исторической науки, её методов и исходных принципов. По словам Э. Хобсбаума, книга Карра – это «мощный и блестящий залп, нацеленный против исторического обскурантизма» [52, р. 47]. Несмотря на всю свою непримиримость к позитивистскому объективизму, профессор не скатывался к модным в западной философии истории теориям исторического субъективизма и скептицизма. Он предупреждал о серьезной опасности, связанной с распространением в теории историче-

ского познания субъективно-идеалистических и релятивистских выводов, полной несостоятельности американского прагматического презентизма. «Наше исследование отношения историка к фактам истории, – говорилось в книге, – ставит нас, следовательно, в явно неопределенное положение осторожно плывущих между Сциллой несостоятельной теории истории как объективной компиляции фактов, неограниченного превосходства фактов над интерпретацией и Харибдой в равной мере несостоятельной теории истории как субъективного продукта ума историка» [52, р. 23].

Вторым важным направлением в методологической перестройке исторической науки на Западе в 60–70-х гг. была разработка теорий междисциплинарного синтеза. Требования коренного переосмысления взаимоотношений между историей и другими социальными науками прозвучали почти одновременно с разных сторон: как со стороны историков, так и со стороны представителей смежных общественных наук. Наиболее полно программа сторонников социоисторизма на Западе была представлена в докладе Дж. Барраклафа «Главные тенденции в истории», подготовленном для ЮНЕСКО и в 1979 г. изданном отдельной книгой. Выступая за сближение истории со всей системой общественных наук, британский профессор стремился доказать возможность и необходимость использования историками достижений социально-научного познания, подчеркивая важную роль общественных наук в прогрессе исторического знания. «Если мы, следовательно, – говорилось в работе, – хотим установить, в чем проявилось влия-

ние общественных наук на позиции и взгляды историков, то, несомненно, первым и самым общим его результатом следует признать существенное смещение фокуса от особенного к всеобщему, от событий к структурам и от описания к анализу» [49, р. 51]. В многочисленных других исследованиях западных ученых эта программа была значительно расширена и дополнена¹.

В 80–90-е гг. XX в. в Европу из США хлынули волны нового учения, получившего описание как постмодернизм, постструктуралистская лингвистика, неоиоризм. Всех этих «пост» и «нео» объединяло стремление поставить под сомнение возможность объективной истины в истории и представить объективную реальность как дискурс, царствование абсолютной субъективности. В Англии с беспощадной критикой новейших учений постмодернизма выступил видный британский историк Артур Марвик (1936–2006). В 1995 г. была опубликована его специальная статья, посвященная критике постмодернистской методологии истории под названием «Два подхода к историческому исследованию: метафизический (включая «постмодернизм») и исторический».

В ней маститый ученый выражал глубокую тревогу по поводу сложившейся в современной исторической

науке ситуации: с одной стороны, активная пропаганда концепций дискурсивного анализа, деконструкции, «историзации» текстов, утверждения о том, что профессиональная история бесполезна, что она – просто идеология, «сказки, которые мы сочиняем» и что её необходимо заменить более современной историей, отвечающей потребностям новейшей радикальной политики, а с другой – традиционные научные принципы и методы исследования, которым продолжают обучать студентов на большинстве исторических кафедр в университетах [53, р. 20–26]. Подводя общий итог своему обзору, А. Марвик писал: «Ясно, что в отношении главных проблем понимания прошлого, с которыми имеют дело историки, техника деконструкции или дискурсивного анализа не представляет большой ценности по сравнению с тонкими методами, разработанными историками в течение многих поколений» [53, р. 26–27].

Большое место критика постмодернизма занимала в докладе, который А. Марвик представил на Московской международной конференции «Политическая история на пороге XXI века» (май 1994 г.). Здесь, касаясь претензий постмодернистов на новую и оригинальную историческую методологию, он, в частности, говорил: «Это просто ряд воображаемых скачков, каждый из которых опирается на предшествующий, заманивающих в ловушку специальным вычурным языком, но никогда не находящих подтверждения в действительности» [32, с. 11]. Обращаясь к слушателям, А. Марвик рисовал картину предшествующего опыта развития мировой исторической науки. Современным историкам XXI в.

¹ См.: Шарифжанов И. И. Вызов социоисторизма: политическая история в поисках новых приоритетов // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: РАН, 1995. С. 22–32; Его же. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Казанский ун-т, 2004. С. 130–146; Его же. История и историография на пересечении эпох: проблемы, события, люди. Казань: Казанский ун-т, 2015. С. 72–79.

он предписывал семь правил, которые следует «крепко держать в уме». Они следующие [32, с. 20–21]:

1) цель истории – обеспечивать надежное знание о прошлом;

2) любая историческая работа – это всего лишь посильный вклад в это знание, она открыта для критики и совершенствования;

3) историки могут обеспечить знание о прошлом только путем систематического изучения первоисточников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого;

4) история – это не само прошлое и тем более не метафизическое рассуждение о природе прошлого, она – знание, полученное историками;

5) ясность и точность – это фундаментальные качества профессии историка;

6) общие понятия необходимы историку как для понимания источников, так и для изложения результатов своего исследования. Но они в конечном счете должны соответствовать тому, что он обнаружил в источниках;

7) история должна заботливо оберегать свою автономию как в отношении к другим дисциплинам, так и в отношении ко всяким политическим обязательствам.

Таким был напутственный наказ всем историкам-профессионалам от одного из лучших умов современной Великобритании.

Взгляды А. Марвика выражали типичное отношение ведущих британских историков к постмодернизму. Так, по признанию Дж. Эйлмера, крупнейшего специалиста по истории Английской революции XVII в., он явно не принадлежал к сторонникам постмодернизма, поскольку для него

истина о прошлом – это главная цель деятельности историка. «Это не значит, – продолжал он, – что какой-то историк сможет когда-нибудь достичь полной истины о том или ином фрагменте прошлого, каким бы незначительным он ни был, но если вы отступаете от этого принципа, вы вступаете на скользкий путь, ведущий ... прямо в бездну»¹. Выступая с лекцией «История в британских университетах» на научной конференции в Казани, посвященной революциям в Европе и Америке XVII–XVIII вв., оксфордский профессор говорил, что историку следует неукоснительно выполнять три обязанности: перед обществом в целом, перед своим университетом и перед своей наукой. «Как историк, каждый должен верить, что истина и понимание являются теми ценностями и целями, которые существуют изначально и неотчуждаемы»².

К концу XX в. интерес к постмодернизму в западной исторической науке заметно снизился, о чём наглядно свидетельствовали итоги работы XIX Международного конгресса исторических наук, который состоялся в Осло в августе 2000 г. По словам Ральфа Торстендала³, руководителя секции по историографии XX в., в настоящее время мало свидетельств того, что постмодернизм оказал какое-либо влияние на традиционную историческую методологию и нормативную систему пра-

¹ Эти слова – из письма Дж. Эйлмера, написанного незадолго до его смерти 17 декабря 2000 г.

² Выступление Эйлмера опубликовано в сборнике: Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль: тезисы докладов. Казань: Казанский ун-т, 1990.

³ 19th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Actes. Oslo, 2000. P. 115.

вил профессиональной истории, как они приняты во всем мире.

После Второй мировой войны интерес к теоретическим и методологическим проблемам исторической науки заметно повысился и в советской историографии и философии. В СССР появился ряд научных центров, где активно разрабатывались важнейшие принципы теории истории. Один из них был создан в Томском университете во главе с А. И. Даниловым (1916–1980). Здесь были организованы методологические семинары по актуальным проблемам исторической науки, в которых принимали участие как историки, так и философы, начали защищаться диссертации по соответствующей тематике, выходить научные работы.

В 1978 г. Б. Г. Могильницкий, ученик А. И. Данилова, опубликовал монографию «О природе исторического познания» [28], которая сразу привлекла внимание всех специалистов страны. В ней рассматривался широкий круг вопросов, связанных с пониманием предмета истории как науки, возможностей и предпосылок достижения объективной истины в историческом познании, социальных функций исторической науки и т.д. Говоря о связи истории с современностью, Б. Г. Могильницкий подчеркивал, что история, как никакая другая наука, тесно связана с современностью и является важной формой самосознания общества. Её высшая цель – достижение объективно-истинного знания о прошлом. В работе давался глубокий анализ путей и средств, ведущих к этой цели. Тем самым книга Б. Г. Могильницкого остается серьезным научным подспорьем в борьбе с современным методологи-

ческим нигилизмом, распространенным в нашей стране и за рубежом под влиянием учений постмодернизма. На материале своей монографии Б. Г. Могильницкий подготовил учебное пособие «Введение в методологию истории» [27], которое стало настольной книгой для всех преподавателей высшей школы, читавших курс методологии исторической науки.

Под влиянием А. И. Данилова в Казани также появился региональный центр по историографическим и методологическим вопросам исторической науки. Если казанские историки в основном касались историографических проблем науки как в нашей стране, так и за рубежом, то философы освещали теоретические аспекты исторического знания. В этой связи представляет большой интерес статья профессора Казанского университета М. Б. Садыкова «Интерпретация как метод исторического познания» [36]. В ней на современном философском уровне раскрывались отличительные особенности исследовательской практики представителей исторических дисциплин. Продолжением работы М. Б. Садыкова явилась статья доктора философских наук, профессора Э. А. Тайсиной «Постмодернизм – парадигма, уходящая в историю», также опубликованная в сборнике «*Clio Moderna*» [42]. Блестящая по исполнению, глубокая по содержанию, она подводила своеобразные итоги необыкновенной активности постмодернистов в сфере современного научного знания.

2 декабря 2011 г. в МГУ состоялась Международная научная конференция «Может ли история быть объективной?» Её материалы были опубликованы в серии «Труды исторического

факультета МГУ» в том же году. Уже само название конференции вызывало серьезные опасения о намерениях её организаторов. Что же касается выступлений её участников под девизом «В защиту субъективности», то разочарование еще более усугубилось. Несмотря на отдельные серьезные доклады как зарубежных, так и отечественных специалистов, результаты конференции в целом нельзя назвать позитивными, отвечающими современным тенденциям развития исторического знания в мире.

С. И. Реснянский

Истина в православном вероучении

Человека всегда мучил вопрос о его собственном бытии перед лицом вечности и судьбы. Мировые религии возникли как ответ на этот вопрос. Действительно, данная проблема о Боге неизбежно встаёт перед любым философом, как вопрос об источнике бытия (что такое бытие? – это основной вопрос философии). Тот же вопрос встаёт и перед физиками – на путях их познания природы. «Вопрос о существовании Бога – это единственный вопрос, с которым мы сталкиваемся, рассматривая природу реальности» [33, с. 60], – писал известный физик Дж. Полкинхорн.

Слова Понтия Пилата: «Что есть истина» до сих пор остаются камнем преткновения. Известно, что в науке истина – это цель научного познания. Со времён Аристотеля истина – есть соответствие вещи и интеллекта, адекватное изображение действительности. Действительность в этой связи рассматривается как существующая независимо от нашего сознания. Скептики вообще не искали истину, они

считали её изменчивой категорией. У Платона совсем иное: «вечный эйдос» истины. Знание в этой связи рассматривались Платоном как результат воспоминания души человека о своём пребывании в мире вечных истин, когда душа ещё не соединилась с телом. Августин Блаженный, основываясь на этом концепте Платона, сформулировал учение об истинах как врождённых понятиях и суждениях. Эта концепция получила дальнейшее развитие Р. Декартом. Гегель же, как известно, полагал, что всё действительное разумно, а разумное действительно. А Ф. Ницше, как и античные скептики, вообще считал иллюзией существование истины как таковой. К этому же мнению пришёл и современный постмодернизм. А так как максима Протагора, что человек – мера всех вещей, неизбежна до настоящего времени в секулярном прочтении картины мира, то действительно, в этой связи нет объективной истины, того слона или черепахи, на которых бы строилось мироздание, у каждого своя истина. Да, мы с вами знаем, что мифам и космогониям древних вообще было неведомо гносеологическое измерение мира.

Истину во все времена искали, как известно, и в научном, и религиозном, и в художественном, и в нравственном и любом ином освоении мира. Где же, в таком случае, критерий истины? В логическом, рассудочном её понимании, в позитивистской картине мира? И есть ли она в естественной картине мира вообще? Или это нравственная категория, духовное состояние личности? И действительно, говоря о ключевых вопросах мироздания, таких как, например, возникновение Вселенной, её конечности или бесконечности,

мысль приходит к вопросу о человеке как средоточию всех загадок и антиномий нашего мышления. «Что такое человек, что такое сознание человека? Способна ли наука объяснить сознание? Ибо ещё И. Кант разоблачил иллюзии сознания, принимавшего собственный продукт за объективное бытие. Вл. Соловьёв в работе «Теоретическая философия», подвергнув критическому анализу само наше мышление, назвал его становящейся разумностью, а значит – никогда не завершаемой (Я становлюсь, следовательно, меня ещё нет) [41, с. 78]. Известно, что в своё время Макс Планк в знаменитой речи «О смысле и границах точного знания» говорил о пределах, неодолимых для точного знания, как бы высоко оно не стояло, потому что, подчёркивал знаменитый физик и философ, «окончательная реальность носит метафизический характер». Кроме того, наука как таковая не знает ни добра, ни зла. Именно поэтому так остро встаёт вопрос о моральной ответственности людей науки. Известно, к примеру, что участники проекта «Манхэтэн», создав атомную бомбу, ужаснулись творению рук своих.

Общеизвестно, что и сами научные концепты сохраняются до тех пор научными, пока допускают возможность собственного опровержения («фальсификации» по К. Попперу). Церковные же истины, в отличие от них, неизменны, ибо они констатируют неизменную реальность Бога. И, как мне представляется, смысл человеческого познания состоит не только в удовлетворении естественного человеческого интереса к истине, но в первую очередь в освобождении личности от неведения, которое препятствует его ду-

ховно-нравственному совершенству: «познайте истину, и истина сделает вас свободными».

Примечательно, что на вопрос прокуратора Иудеи Понтия Пилата: «Что есть истина?» в ответ было молчание в силу неподготовленности Пилата к этому вопросу. На Тайной вечере же Иисус однозначно ответил на этот вопрос об истине: «Я есть и путь и истина и жизнь». Николай Сербский (Велемирович), философ и православный мыслитель, говорил, что «истина – не мысль, не слово, не закон. Истина – Существо... К Истине приложим вопрос «Кто?», а не «что?». Истина лична, а не безлична. Истина – Бог, а не вещь. Истина – тот, Кто всегда один и Тот же... Истину можно обрести не в творении, а в Творце».¹ Христос дал миру как богооткровенное знание в виде догматов православного вероучения – непреложные истины. Личность Христа ориентирована не на текучую стихийность мира, а на извечность абсолютного. Христос спасает от мира, всецело находящегося под законом тления и самоповторения. Он даёт смысл не бесконечно изменяющему бытию, а вечно актуальному личному выбору. Христос вводит человека в Иное – абсолютно Иное, с которым несопоставимо не одно измерение мира. Он Сам – это Иное и путь к нему открыт. Он – Бог, с любовью снизошедший к нам и из любви к человеку сам ставший человеком.

Христос связан с вечностью и в то же время Он пребывает в истории. Вневременную основу личности Христа раскрыл Иоанн Богослов: «Слово стало плотью». Христос преодолел господство необратимого энтропийного

¹ Новый Завет, Ин. 8:32.

начала в человеке, «смертью смерть поправ», показав тем самым тварному миру путь к Воскресению, и вся русская духовная гуманитаристика сделала эту максиму своим духовным стержнем. Раскрывая эту православную истину, С. Н. Булгаков писал: «Вера есть, может быть, наиболее мужественная сила духа, собирающая в одном узле все душевные энергии. Ни наука, ни искусство не обладают той силой духовного напряжения, какая может быть свойственна религиозной вере. И, конечно, это возможно только потому, что ей в совершенно исключительной степени присуще качество объективности: сама суровая и величественная истина глядит через неё своим вечным, недвижным оком на человека... Это сознание своей единственности есть неизбежное качество объективности: истина не есть истина, если допускает рядом с собой или вместо себя другую истину» [8, с. 50–51]. Таким образом, знание истины в Православии есть знание Бога, совершаемое цельным человеком, а не одним лишь разумом. Это особое духовное единение с Христом в Евхаристическом пространстве.

В православной модели человек – свободное, совестливое существо, обладающее вечной душой и сознающий свою ответственность за последствия своих решений. Способный нравственно их оценить. Добро и зло актуализируются через человека и его оценки. В Православии приоритетна роль духовно-нравственных ценностей: свободы как ответственности. Духовной красоты, жертвенной любви, сострадания к людям. Главное в иерархии ценностей – любовь к Богу и ближнему как к самому себе. По

слову Максима Исповедника: Любовь есть Божественная сила, стягивающая и связывающая воедино весь космос и всякую вещь, существующую в нём, высшую и низшую». Западная же модель познания мира, потеряв интуицию Священного, утрачивая чувство святости сакральной глубины происходящего в мире, предпочла отбросить «Неведомое Его» и взять в качестве своего инструментария освоения жизненного пространства рассудочное сознание, рациональность и утилитарную полезность. Такой путь оказался, как сейчас это всем предельно понятно, путём тупиковым. Стало ясно, что потерпела полный провал эпоха модерна (со времён Ренессанса), «улучшения мира» путём его преобразования рациональной активностью в природные сферы бытия.

Идея разума, которая была главным мифом познания мира в западной культуре со времён эпохи Возрождения, переживает сегодня глубокий кризис. Вл. Набоков называл эту идеализацию рассудочного сознания «гносеологической мерзостью», а сербский церковный деятель Иустин Попович – «философской пропастью». Н. Бердяев в работе «О характере русской религиозной мысли» писал, что корень ошибки всей западной позитивистской мысли в том, что она приняла разум за цельность духа [6]. Этот кризис, который стал сегодня, как известно, всеобъемлющим для всей экономико-политической цивилизации, нелиберальной парадигмы картины мира вообще.

Особенно трагична глубокая катастрофа человека. Философ А. С. Панарин вообще говорил о предельной порче человека в современном мире.

Чудовищен разлад между его сущностью и его существованием. Миф о происхождении человека от обезьяны, вверх от животного, привёл к конструированию мира в западной цивилизации как пространства стадиона, где человек, потомок обезьяны, стал победителем в борьбе за выживание вида. Сегодня постмодернизм, культура потребления, глобально навязываемые миру – это «опускание темы», её высокой духовной планки, чтобы уравнивать внутренний духовный смысл с внешней формой, то есть уравнивать сущность с его существованием, выхолостить внутреннюю идею (Образ Божий в человеке), не дающую «разбежаться целому». Медиократия, всевозможные СМИ, шоу-бизнес, сети Интернета навязывают идеалы «нового сознания» без Бога, инаковость, космополитический, «кочевой образ духа».

Итальянский мыслитель Умберто Эко говорил в этой связи, что продуктом культуры потребления является «рецепторный тип молодого человека, пожирающего видеоролики и рекламы с внутренней пустотой в душе» [45]. Поистине, без веры жизнь человека – пиар потребности потребительской культуры – сводят к биологическому характеру. «Бинарность нашего мышления, объект – субъект, материя – сознание, закрывают богатство многомерности нашего бытия, способствуют дурному генезису «одномерного человека» с линейным вектором мышления» [26, с. 245]. А между тем современные образовательные технологии высшей школы вообще противоречат православному пониманию учителя. Православие предполагает существование Высшего смысла, недоступного для человеческого понимания.

Поэтому религиозное образование обучало не столько знаниям, которые относительно в силу ограниченности человеческого разума, сколько умением их постигать и ими оперировать («искусствам»).

Сегодня система обучения наукам, как суммарным знанием по определённым аспектам бытия, себя исчерпала. Обучение не поспевает за динамикой научного приращения. Существуют пределы усвоения студентами эмпирического материала. Рано или поздно образовательная критическая масса будет преодолена. (Симптомы к чему уже обнаруживаются). По-видимому, эра сциентизма подходит к своему завершению. Древние мыслители не проводили дифференциацию наук, а говорили о знании в целом. Нельзя было исследовать сферу дольного без решения вопросов трансцендентных. Но схоластическая перегруженность, при недостаточной разработке эмпирического материала, предопределила рождение теории «двух истин», предполагающей дробление целостного знания. Со временем априорное допущение о самодостаточном характере эмпирического опыта было забыто. В результате усечённые в силу своей природы научные представления преподносились в качестве абсолютной истины. Обучение наукам в школах и вузах, при игнорировании религиозного образования, приводит к искажённому восприятию картины мира. Хотя именно в молодом возрасте важно сформировать целостное в метафизическом плане миропонимание. Интерес представляют религиозные образовательные технологии. Кроме того, современная педагогика исходит из современной природы человека.

Фактор антропогенеза не берется ею в рассмотрение. По-видимому, мы находимся на переломном рубеже трансформации структуры мышления человека.

Письменная культура предопределяет рациональные формы мировосприятия. Человек мыслит, так же как и пишет, проводя цепочку каузальной логики. Сегодняшний феномен компьютеризации становится предвестником гибели письменной цивилизации. Система мышления поколений компьютерной молодежи более близка к мифологической психоментальности древности. Спрессованные в виртуальном поле пространственно-временные характеристики актуализируют мифологическую парадигму феноменологического бытия. Но обучающие методики остаются по-прежнему ориентированы на «письменного человека». Менталитету поколения «*ню эйдж*» соответствуют те же образовательные подходы, как и для человека традиционалистских сообществ, что ставит на повестку задачи реанимации архетипов религиозной педагогики. И в этой связи, хочу еще раз подчеркнуть, насколько важными и актуальными являются духовно-нравственные проблемы православной культуры с точки зрения современных подходов воспитания в контексте модернизации образования. И незыблемые истины в православном вероучении играют здесь определяющую роль. В этой связи становится понятным, что голос Бога «Адам, где ты?» и вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?» – это отнюдь не простые метафоры. Они вкоренены в ткань сегодняшней мировой истории, будучи нервом мировой культуры. Энергия мысли не может быть

духовно нейтральной. Очень важно мировоззренческое ценностное основание, на котором человек строит свой духовный дом.

Н. И. Смоленский

Заключительное слово

В выступлениях участников круглого стола проблема объективности исторического познания представлена как предмет ее историографического анализа и в качестве ряда аспектов ее теоретического анализа. Взаимосвязь того и другого не является надуманной, поскольку формирование любого варианта проблемы объективности или варианта отношения к ней осуществимо с опорой на развитие конкретно-исторического исследования и его теоретических основ.

В выступлении В. Э. Багдасаряна проведен анализ соотношения отказа от объективности познания и социальных последствий этого и делается вывод об отрицательном, разрушительном для общества характере релятивизации познания; приведенные данные по отношению к различным временным рамкам истории подтверждают это. Возникает, однако, вопрос: может ли быть результат влияния релятивизации положительным? Приведем несколько соображений. Просветительская оценка средних веков была резко и однозначно отрицательной и лишенной в этом смысле во многом, но не во всем своем содержании, ответственности действительности: средние века не были ошибкой, заблуждением, нелепостью в развитии истории, а ее естественной фазой. Однако это заблуждение в просветительском понимании и оценке средневековья по своему способствовало его уходу, о

чем ярко свидетельствовала французская революция конца XVIII в.

Далее, объединение Германии не вызывает каких-либо сомнений в обоснованности его положительной оценки не только для Германии – если, конечно, отвлечься от взгляда на будущее с его двумя мировыми войнами и ролью и месте в них Германии, хотя в этом заключается ход истории, а не вина или причина объединения Германии. Однако проблема объединения Германии решалась применением различных средств, одним из которых была фальсификация истории Пруссии до объединения и не только в исследованиях историков малогерманской школы Г. Зибеля, Г. Трейчке, И. Дройзена и других. Смыслом фальсификаций было возвеличение Пруссии и не только.

Следование требованию объективности исторического познания не означает гармонии с состоянием основ общества – ни в качестве реальности положительного состояния, ни в качестве цели его достижения. В российской историографии начала XX в. сложилось мощное направление по уровню научно-теоретических основ мышления в целом, по проблеме объективности в теоретическом плане и в результатах конкретно-исторического исследования; его представителями были Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, М. М. Хвостов и др., но ситуация в обществе была далека от устойчивости и мирных перемен. Общим во всех изложенных ситуациях является то, что на первом плане стоит общество, продуктом которого являются историческое сознание и историческое познание; вопрос о взаимовлиянии при этом не отвергается.

В источниковедческом анализе гербов участником круглого стола О. Н. Наумова ставится проблема степени объективности этого вида источников по сравнению с другими. Делается обоснованный вывод об их преимуществе в связи с тем, что они отражают реальность визуально. Наличие субъективного в гербах при этом не отвергается, однако важен вывод О. Н. Наумова об объективном в природе источника. Этот вывод по своей значимости выходит за рамки источниковедческого анализа и является подтверждением объективности исторического познания со ссылкой на природу этого вида источника. Объективность в этом плане выглядит не как чисто мыслительная конструкция, а как вид мышления, имеющий свои корни в действительности.

Историографический анализ в выступлениях участников круглого стола рассматривается в качестве средства понимания тех трудностей и проблем, которые возникали у историков с развитием исторического познания в области конкретно-исторического исследования и его гносеологии. Решение проблемы объективности В. В. Журавлев обоснованно относит к двум ее составляющим: объективности воссоздания (реконструкции) реальности и объективности ее осмысления. К этому можно добавить: путь к объективной истине проходит через достижение фактической достоверности картины событий к тому, что является ее осмыслением, то есть объективной истиной. В этой связи В. В. Журавлев проводит различие между художественным образом реальности и содержанием исторического понятия: образ означает стремление его творца

слиться целиком и полностью с образом (сутью) изображаемого, а научное понятие предполагает необходимость для историка в возможно большей степени погрузиться в изучаемую эпоху, став в каком-то отношении и смысле ее «современником». Это верно только с одной оговоркой: это – не взгляд историка на прошлое глазами прошлого.

Историографический анализ в выступлении Н. И. Шарифжанова характеризует становление и развитие проблемы объективности в западной историографии XIX – XX вв. Стержнем этого анализа является изучение борьбы по проблеме объективности с позиций ее признания и отстаивания и с точки зрения – в разных вариантах мышления – ее отрицания. Это означает, что борьба за истину и объективность не ограничена какими-то территориальными и временными рамками и зависит от развития исторического познания.

Круглый стол завершается анализом проблемы истины в православии. С. И. Реснянский – автор этого анализа. С опорой на других исследователей проблемы С. И. Реснянский излагает точный смысл истины в православном вероучении – её единственность и уникальность. К этому следует до-

бавить разницу в пути к истине и ее достижении в светском и религиозном вариантах мышления: в последнем случае истина – не результат мышления, а откровение и постигается не разумом, не логикой, а является результатом озарения, снисходит сразу и во всем объеме. Своеобразный девиз этих представлений – не мудруй лукаво, и ты постигнешь истину. Это представление об истине было перенесено в середине века на историческое познание в целом в качестве *studio divina* – божественное знание.

Своеобразным украшением историков, в том числе участников круглого стола, выглядит в этой связи отстаивание позиции об объективности исторического познания и достижении истины как его главной цели, хотя и не божественной. Конечно, это светский вариант мышления, и все же. Достоинством позиции участников круглого стола является также единство, сходство их представлений об объективности и истине и это – результат не «корпоративного сговора», а многолетней самостоятельной научно-исследовательской работы и соответствующего ей поиска истины.

Статья поступила в редакцию 31.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А. А. Герб Комсомольска-на-Амуре как отражение исторической и социокультурной специфики города // Гербовед. 2006. № 87. С. 8–11.
2. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 159–166.
3. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
4. Багдасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории в России и за рубежом. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–86.
5. Багдасарян В. Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М.: Сигнал, 1999. 515 с.

6. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Современные записки. 1936. № LXII. С. 309–343.
7. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 236 с.
8. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
9. Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. 1981. Т. 21. С. 117–122.
10. Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М.: Планета, 1991. 223 с.
11. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу: тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. 320 с.
12. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М.: Наука, 1989. 213 с.
13. Гайдуков А. В. Идеология и практика славянского неоязычества: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 164 с.
14. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 284 с.
15. Гербовед, издаваемый С. Н. Троицким, 1913–1914 гг. М.: Terra–Книжный клуб, 2003. 448 с.
16. Гордина Е. Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 228 с.
17. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.
18. Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.: в 2-х т. Т. 1. М.: Московская художественная печатня, 1915. 567 с.
19. Казеннов А. С., Мочалова И. Н. Гегель о сократических школах: место и значение сократиков в истории философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 22–34.
20. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
21. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.
22. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
23. Королев Г. И. Историко-экологическое истолкование гербов Владимирской земли XVIII – начала XX вв. // Рождественский сборник. Вып. 5. Ковров: БЭСТ-В, 1998. С. 96–101.
24. Лапенков В. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. М.: Яуза, 2006. 400 с.
25. Лебедев С. А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 72–82.
26. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
27. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
28. Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск: ТомГУ, 1978. 235 с.
29. Может ли история быть объективной? Материалы Международной научной конференции, Москва, 2 декабря 2011 г. М.: МГУ, 2012. 222 с.
30. Наумов О. Н. Научная геральдика России. М.: Старая Басманная, 2013. 508 с.
31. Новиков М. В., Швецов В. В. Карл Беккер: «Каждый сам себе историк» // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 1 (26). С. 102–108.

32. Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН, 1995. 276 с.
33. Полкинхорн Дж. Вера глазами физика. М.: Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 1998. 228 с.
34. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. 392 с.
35. Римский-Корсаков И. Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских. М.: Ангстрем, 1994. 249 с.
36. Садыков М. Б. Интерпретация как метод исторического познания // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. 2003. Вып. 4. С. 5–16.
37. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
38. Словарь историка / Пер с фр. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
39. Смоленский Н. И. История и логика: проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 183 с.
40. Соболев С. В. Альтернативная история: пособие для хронохичхайкеров. Липецк: Крот, 2006. 232 с.
41. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
42. Тайсина Э. А. Постмодернизм – парадигма, уходящая в историю // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. 2005. Вып. 5. С. 5-22.
43. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
44. Шарифжанов И. И. К вопросу о релятивистском истолковании методологии истории в англо-американской историографии 40–50-х гг. XX века // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып.1. Томск: Томский ун-т, 1963. С. 27–61.
45. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 1998. 96 с.
46. Barraclough G. *History in a Changing World*. Oxford: Blackwell, 1955. 246 p.
47. Barraclough G. *Main Trends in History*. N.-Y.-L.: Holmes & Meier, 1979. 259 p.
48. Beard C. *Written History as an Act of Faith* // *American Historical Review*. 1934. № 2. P. 219-231.
49. Black J. *The Art of History*. N-Y.: F. S. Crofts and Co, 1926. 188 p.
50. Buckle H. *History of Civilization in England*. Vol. III. L.: Longmans, Green and Co, 1868. 548 p.
51. Carr E. *What is History*. L.: Penguin Books, 1962. 188 p.
52. Hobsbawm E. *Progress in History* // *Marxism Today*. 1962. Vol. 6. № 12. P. 44–48.
53. Marwick A. *Two Approaches to Historical Study: The Metaphysical (Including “Postmodernism”) and the Historical* // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. XXX. P. 5–35.
54. Renier G. *History. Its Purpose and Method*. L.: Allen and Unwin, 1950. 272 p.

REFERENCES

1. Aksenov A. [The coat of arms of Komsomolsk-on-Amur as a reflection of the historical and socio-cultural specificity of the city]. In: *Gerboved*, 2006, no. 87, pp. 8–11.
2. [Relevant theoretical problems of modern historical science]. In: *Voprosy istorii* [History Issues J.], 1992, no. 8–9, pp. 159–166.
3. Bagdasaryan V. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
4. Bagdasaryan V. [The formation of the image of the historical enemy in school history textbooks in post-Soviet space]. In: *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [The teaching of military history in Russia and abroad]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. pp. 67–86.

5. Bagdasaryan V. «Teoriya zagovora» v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX–XX vv. ["Conspiracy theory" in Russian historiography of the second half of the XIX–XX centuries]. Moscow, Signal Publ., 1999. 515 p.
6. Berdyayev N. [On the nature of Russian religious thought of the XIX century]. In: *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], 1936, no. LXII, pp. 309–343.
7. Bloch M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or the craft of the historian]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 236 p.
8. Bulgakov S. *Svet nevechernii. Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening Light. Contemplation and speculation.]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p.
9. Vilinbakhov G. [The rider of the Russian coat of arms]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions Of The State Hermitage], 1981, vol. 21, pp. 117–122.
10. Vinkler P., fon. *Gerby gorodov, gubernii, oblastei i posadov Rossiiskoi imperii* [The coats of arms of cities, provinces, regions and settlements of the Russian Empire]. Moscow, Planeta Publ., 1991. 223 p.
11. Volodikhin D., Eliseeva O., Oleinikov D. *Istoriya na prodazhu: tupiki psevdistoricheskoi mysli* [History for sale: stubs pseudo-thoughts]. Moscow, Veche Publ., 2005. 320 p.
12. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novyye podkhody* [General history: discussions, new approaches]. Iss. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989. 213 p.
13. Gaidukov A. *Ideologiya i praktika slavyanskogo neoyazychestva: dis. ... kand. filos. nauk* [The ideology and practice of the Slavic neo-paganism: PhD Thesis in Philosophy sciences]. St. Peteraburg, 2000. 164 p.
14. Gasparov M. *Zanimatel'naya Gretsiya: rasskazy o drevnegrecheskoi kul'ture* [Entertaining Greece: the stories of the ancient Greek culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 284 p.
15. *Gerboved, izdavaemyi S. N. Troinitskim, 1913–1914 gg.* [Gerboved, published by S. N. Troinitsky, 1913–1914]. Moscow, Terra–Knizhnyi klub Publ., 2003. 448 p.
16. Gordina E. *Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogonek» 1987–1991 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Problems of national history in popular magazine "Ogonyok" 1987–1991: PhD Thesis in History sciences]. N. Novgorod, 2004. 228 p.
17. Gurevich A. [The crisis of modern historical science]. In: *Voprosy istorii* [History Issues J.], 1991, no. 2–3, pp. 21–35.
18. Egorov D. *Slavyano-germanskie otnosheniya v Srednie veka. Kolonizatsiya Meklenburga v XIII v.: v 2-kh t. T. 1* [Slavic-German relations in the Middle ages. The colonization of Mecklenburg in the XIII century: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Moskovskaya khudozhestvennaya pechatnya Publ., 1915. 567 p.
19. Kazennov A., Mochalova I. [Hegel on Socratic schools: the place and importance of Socratic in the history of philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad Pushkin State University], 2017, no. 3, pp. 22–34.
20. Kovalchenko I. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.
21. Koval'chenko I. [Theoretical and methodological problems of historical research. Notes and reflections on new approaches]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History J.], 1995, no. 1, pp. 3–33.
22. Collingwood R. J. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 486 p.
23. Korolev G. [The historical-ecological interpretation of coats of arms of the Vladimir land of the XVIII – early XX centuries.]. In: *Rozhdestvenskii sbornik* [Christmas compilation], Iss. 5. Kovrov, BEST-V Publ., 1998, pp. 96–101.

24. Lapenkov V. *Istoriya netraditsionnoi orientatsii. Legendy i mify vseмирnoi istorii* [History of homosexual. Legends and myths of world history]. Moscow, Yauza Publ., 2006. 400 p.
25. Lebedev S. [The basic paradigms of epistemology and philosophy of science]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues J.], 2014, no. 1, pp. 72–82.
26. Marcuze G. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitoго industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. The study of the ideology of advanced industrial society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p.
27. Mogilnitskii B. *Vvedenie v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 174 p.
28. Mogilnitskii B. *O prirode istoricheskogo poznaniya* [About the nature of historical knowledge]. Tomsk, TomGU Publ., 1978. 235 p.
29. *Mozhet li istoriya byt' ob"ektivnoi? Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 2 dekabrya 2011 g.* [Can history be objective? Materials of International scientific conference, Moscow, 2 Dec 2011]. Moscow, MGU Publ., 2012. 222 p.
30. Naumov O. *Nauchnaya geraldika Rossii* [Science heraldry of Russia]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2013. 508 p.
31. Novikov M., Shvetsov V. [Carl Becker: "Everyone is his own historian"]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2001, no. 1 (26), pp. 102–108.
32. *Politicheskaya istoriya na poroge XXI veka: traditsii i novatsii* [Political history on the threshold of XXI century: traditions and innovations]. Moscow, IVI RAN Publ., 1995. 276 p.
33. Polkinghorne J. *Vera glazami fizika* [Faith is the eyes of physics]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii in-t sv. ap. Andrew Publ., 1998. 228 p.
34. Lektorskii V., ed. *Relyativizm kak bolezнь sovremennoi filosofii* [Relativism is like a disease of contemporary philosophy]. Moscow, Kanon+ Publ., 2015. 392 p.
35. Rimskii-Korsakov I. *Genealogia yavlennoi ot Sotvoreniya mira familii... Korsakov-Rimskikh* [Genealogia manifested from the creation of the world names... Korsakov-Rimskikh]. Moscow, Angstrom Publ., 1994. 249 p.
36. Sadykov M. B. [Interpretation as a method of historical knowledge]. In: *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya* [Foreign history and historiography], 2003, no. 4, pp. 5–16.
37. Semenov Yu. *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei)* [Philosophy of history (General theory fundamental problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2003. 776 p.
38. *Slovar istorika* [Dictionary of the historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 222 p.
39. Smolenskii N. *Istoriya i logika: problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii* [Story logic: problems of historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, MGOU Ed. off., 2013. 183 p.
40. Sobolev S. *Al'ternativnaya istoriya: posobie dlya khronokhichkhaikerov* [Alternative history: a manual for hankishiev]. Lipetsk, Krot Publ., 2006. 232 p.
41. Solov'ev V. *Sochineniya: v 2-kh t. T. 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 892 p.
42. Taisina E. [Postmodernism is the paradigm, steeped in history]. In: *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya* [Foreign history and historiography], 2005, no. 5, pp. 5–22.
43. Febvre L. *Boi za istoriyu* [The battle for history]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 632 p.
44. Sharifzhanov I. [The question of the relativistic interpretation of the methodology of history in Anglo-American historiography of the 40-50-ies of XX century]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Vyp.1* [Methodological and historiographical issues of historical science. Iss.1]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1963. pp. 27–61.

45. Eco U. *Pyat' esse na temy etiki* [Five essays on the topics of ethics]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 1998. 96 p.
 46. Barraclough G. *History in a Changing World*. Oxford, Blackwell, 1955. 246 p.
 47. Barraclough G. *Main Trends in History*. N.-Y.-L.: Holmes & Meier, 1979. 259 p.
 48. Beard C. *Written History as an Act of Faith*. In: *American Historical Review*, 1934, no. 2, pp. 219-231.
 49. Black J. *The Art of History*. N-Y.: F. S. Crofts and Co, 1926. 188 p.
 50. Buckle N. *History of Civilization in England*. Vol. III. L.: Longmans, Green and Co, 1868. 548 p.
 51. Carr E. *What is History*. L., Penguin Books, 1962. 188 p.
 52. Hobsbawm E. *Progress in History*. In: *Marxism Today*, 1962. Vol. 6, no. 12, pp. 44–48.
 53. Marwick A. *Two Approaches to Historical Study: The Metaphysical (Including "Postmodernism") and the Historical*. In: *Journal of Contemporary History*, 1995, vol. XXX, pp. 5–35.
 54. Renier G. *History. Its Purpose and Method*. L.: Allen and Unwin, 1950. 272 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: onnaum@mail.ru

Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Шарифжанов Измаил Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: izsharif@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: si.resnyanskiy@mgou.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikolai I. Smolensky – Dr. Sci. (History), Head at the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Dean at the Faculty of History, Political Science and Law, Head at the Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

Oleg N. Naumov – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: onnaum@mail.ru

Valeriy V. Zhuravlev – Dr. Sci. (History), Head at the Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Ismail I. Sharifzhanov – Dr. Sci. (History), Professor, Institute of International Affairs, History and Oriental Studies, Kazan Federal University;

e-mail: izsharif@mail.ru

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: si.resnyanskiy@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Проблема объективности исторического познания. Круглый стол / Н. И. Смоленский, В. Э. Багдасарян, О. Н. Наумов, В. В. Журавлев, И. И. Шарифжанов, С. И. Реснянский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 86–120.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120

FOR CITATION

Smolensky N., Bagdasaryan V., Naumov O., Zhuravlev V., Sharifzhanov I., Resnyansky S. The objectivity of historical knowledge. Round table. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 86–120.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-86-120